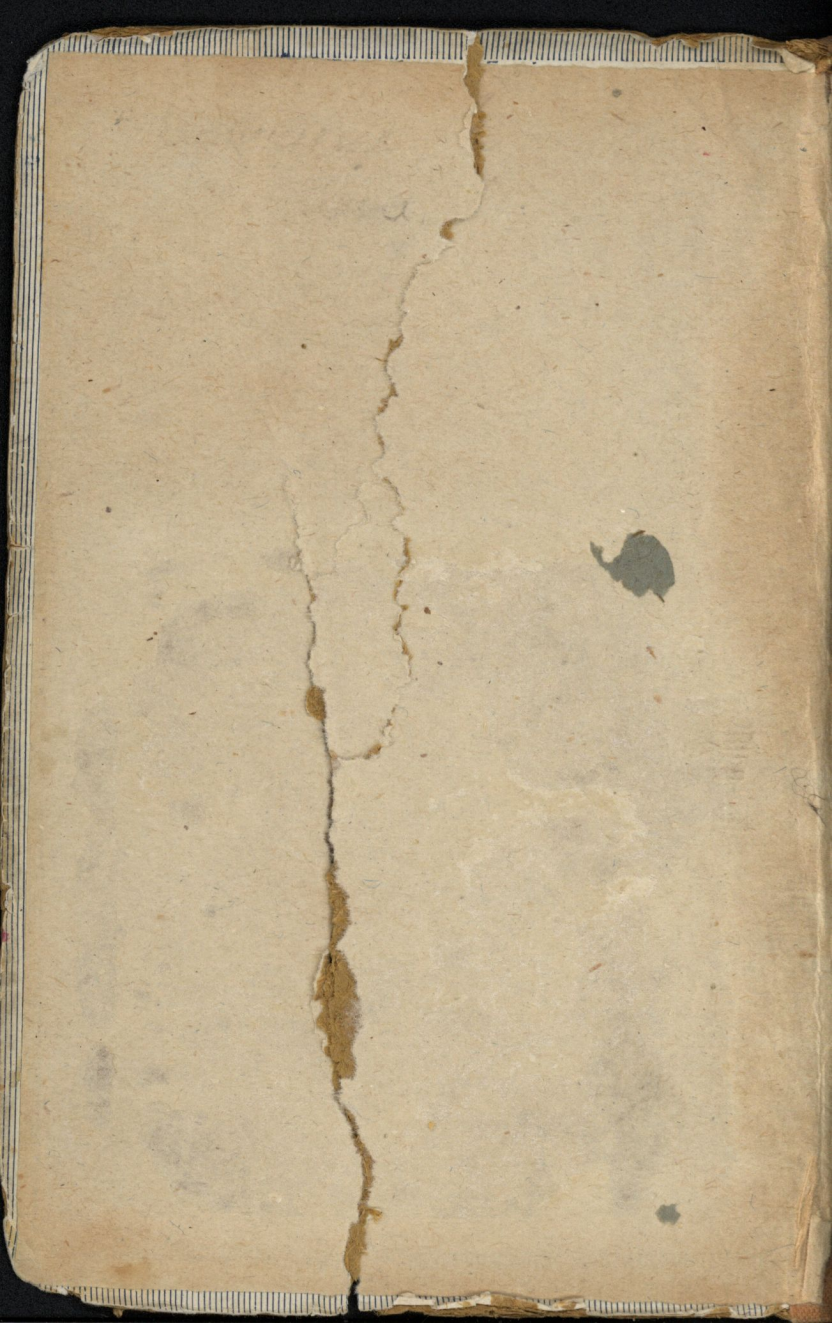

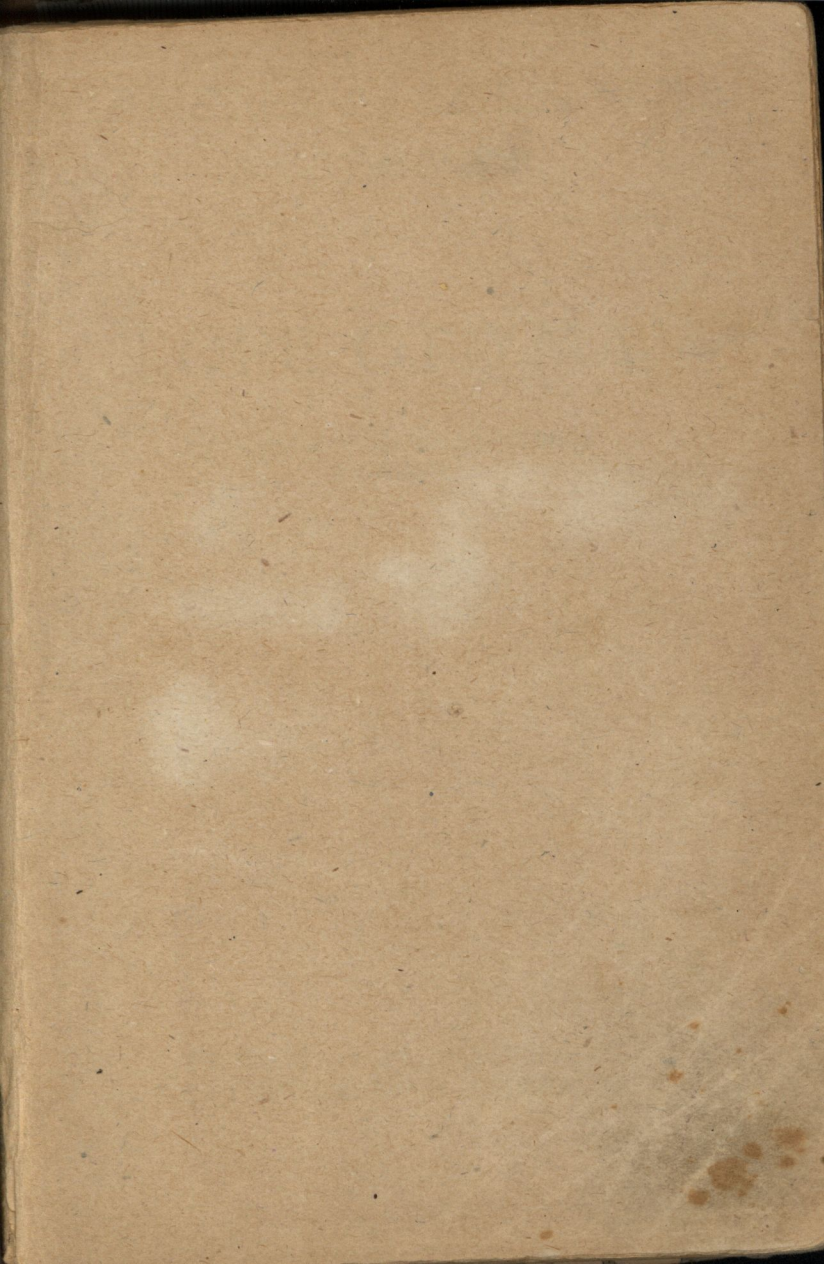
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

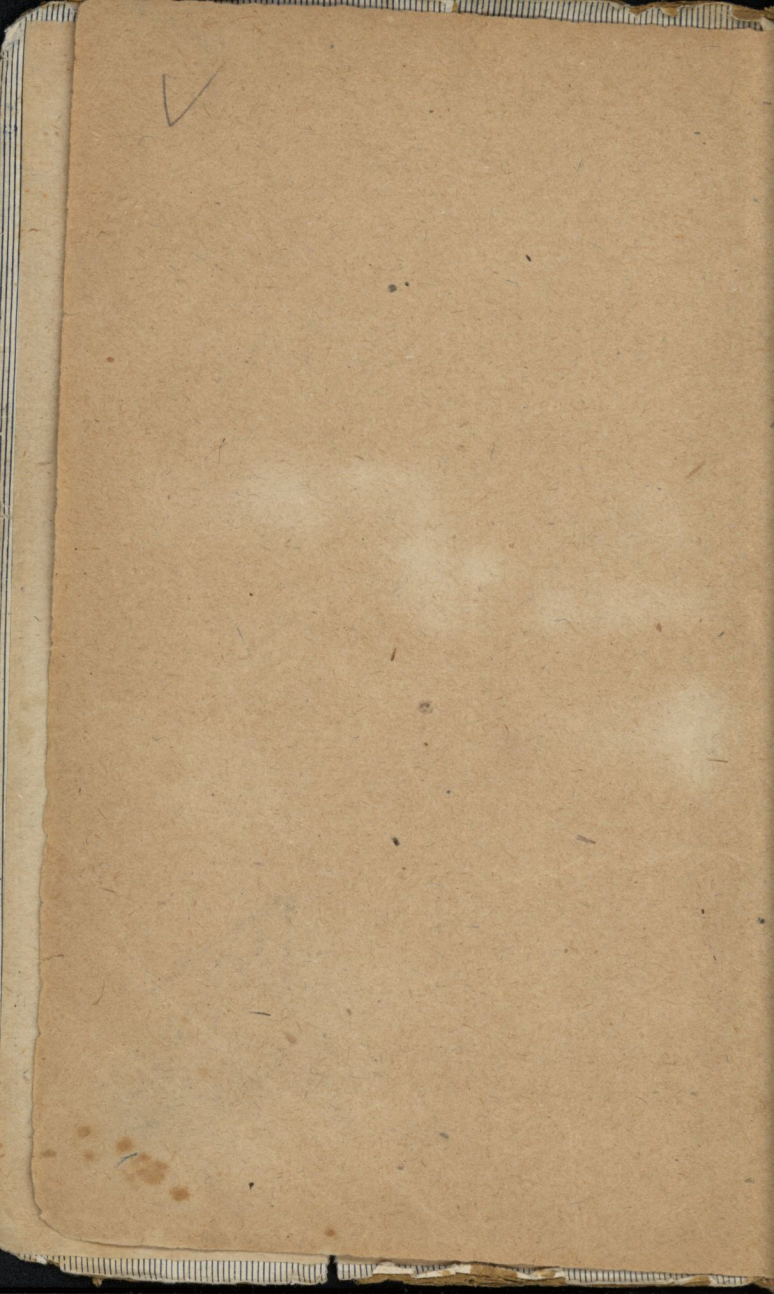
А. С. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

ГОСЛИТИЗДАТ • 1935

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
В СТИХАХ

38573

49/153

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1935

AMU TO 3907

ПРОВЕРЕНО 1935 ГОДА

Типография им. Мяги треста «Полиграфкинг», Самара

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

А. С. ГРИБОЕДОВ

К 100-летию со дня смерти

I

Несмотря на то, что прошел целый век, комедия Грибоедова «Горе от ума» и сейчас является лучшей комедией в нашей литературе, наряду с гоголевским «Ревизором».

Но комедия ли это? Сам Грибоедов, который, конечно, неоднократно слышал взрывы смеха, когда читал меткие строки, рассыпанные гениальной рукой писателя перед слушателем или читателем, такие необыкновенно выпуклые уморительные фигуры, — сам Грибоедов с большой скорбью, с большой желчью отвергал звание веселого писателя, а тем более — звание веселого человека. «Я, — спрашивает он, — веселый писатель? Я создал веселую комедию?» «Эти Фамусовы, Скалозубы...» — беспрестанно повторяет он. Это показывает с какой гадливостью смотрел он на свой век, как страшно ему было жить в этой рабской среде. И когда жизнь бросала его по всему лицу обширного отечества, с каким непередаваемым ужасом он восклицал: «Какая страна! Кем она населена! Какая нелепая у нее история!»

Комедия названа «Горе от ума». Горе в комедии уму. Уму, который был провозглашен безумием; уму, от которого все отвернулись; уму, которому лучшая, красивейшая, наиболее умная, наиболее самостоя-

¹ Стенограмма речи на торжественном заседании, посвященном памяти А. С. Грибоедова, 11 февраля 1929 года. Печатается в сокращенном виде.

тельная девушка из тех, которые фигурируют на сцене, предпочла лакейскую натуру. Это все, конечно, не комическое впечатление создает.

Комедия «Горе от ума» — драма о крушении ума человека в России, о ненужности ума в России, о скорби, которую испытал представитель ума в России.

Разве Пушкин не восклицал: «Догадал меня чорт родиться в России с умом и талантом!» А Чаадаев, написавший самую умную книгу в тогдашней литературе, разве не был провозглашен безумцем? Все высшее общество — высокопоставленные «престарелые Несторы», выжившие из ума старухи — все стадом твердило об этом безумии.

Комедия — точный, совершенно точный самоотчет о том, как умирает на Руси умный человек. Когда мы присматриваемся к биографии Грибоедова, мы прекрасно понимаем, почему он пришел к таким настроениям. Откуда пришел в Россию этот ум, откуда он взялся, и что это за ум? Если Фамусов не очень умен, то ведь рядом с Фамусовым были такие вельможи, у которых чорт ума не съел, были смысленные купцы, мужички, которые иной раз «выходили в люди». Во всяком случае они могли очень не плохо рассудить всякое дело, потому что наш народ — не бездарный народ.

Но в чем же особенность человека, про которого говорят: это умный человек? Свойство такого человека в том, что он критикует, потому что он умнее своей среды, умнее окружающих его. Ум заметен именно потому, что он вносит нечто новое и что он не удовлетворяется тем, чем удовлетворяется заурядный человек.

Откуда такой ум взялся на Руси? Он — результат процессов вrastания в Россию капитализма. Азиатские феодальные формы существования с сильно развитым торговым капиталом, которые имели место раньше, в начале XIX столетия, стали уступать

новым формам капитализма, частнопроизводственным, и, поскольку страна наша была страной земледельческой, — землевладельческому капитализму. Землевладельческое дворянство было в большинстве своем представителем азиатского начала; оно стремилось по старинке наживаться на крепостном праве, но, по существу, по старинке разорялось. Крупнейшие вельможи этого типа могли существовать только дополнительным выколачиванием средств из того же крестьянства через государственную машину, получая их в виде жалованья. Вместе с тем, развернувшаяся торговля хлебом с Европой, дававшая очень большие перспективы, заставляла более крупную часть дворянства подумать о том, как бы начать подтягиваться к Западу, как это в своих собственных интересах — время от времени — делало самодержавие не только при Петре, но и в начале царствования Екатерины и в начале царствования Александра I. Само правительство поддавалось иногда тому умному течению, которое говорило: «Мы в военном отношении будем биты, потому что мы глиняный горшок рядом с чугуном, и разобьемся об него в дальнейшей тряске по исторической дороге. Надо обновиться, надо европеизироваться». Но европеизироваться — значит внести некоторые новые черты государственности, значит уничтожить или, по крайней мере, в известной степени ослабить крепостное право, дать известный простор человеческой инициативе.

Вот это было то западническое движение, заносное по своим принципам, но чрезвычайно важное в развитии культуры, которое приводило к тогдашнему движению умов и воле и вылилось в восстание декабристов. И самый декабризм представлял собой громадную раду — от консерватизма через либерализм к якобинству. Круг декабристов, понятно, не охватывал собой всех либерально и прогрессивно мыслящих русских людей, за его пределами оставались крупные фигуры, только до известной степени затро-

нутые движением, как Пушкин, Грибоедов. Нас не должны обманывать проявляющиеся у Грибоедова черты раннего славянофильства. Это было у него потому, что часты были потуги самодержавия европеизироваться и часты были полосы, когда наступала дикая реакция, когда самодержавие пугалось собственной смелости, всякие серьезные реформы тушились и начинался в том или другом виде период аракчеевщины. Но от внешней западной позолоты как французский язык, гувернеры, парики, духи, различные вещи парижского происхождения, — от этого не отказывались, наоборот, все в этом видели решительный признак хорошего тона, признак принадлежности к высшему классу, способ установить правильное и настоящее расстояние между простонародием и верхушкой. Вот эта обстановка так называемой аристократии, модничающей западничеством верхушки, была ненавистна настоящим прогрессивным людям, в них просыпалась национальная гордость, потому что они чувствовали, что их стремления более близки к основной массе народа. Они отмежевывались от верхушек, которые искусственно создавали свою культуру и, обезьянничая в отношении Запада, на деле оставались дикими и варварскими.

Ум, таким образом, выражал собой появление первых авангардов, скажем, той просвещенной буржуазии, хотя бы и дворянского происхождения, которая стала предъявлять серьезные требования к европеизации всей русской жизни. Носители ума натыкались на ту самую русскую жизнь, которая европеизироваться дальше верхушек не желала, которая желала оставаться в удобном азиатском болоте. Отсюда происходило два основных чувства: кипучее негодование против свинных рыл, окружавших русских передовых писателей от Грибоедова до Гоголя, а с другой стороны, рядом с этим негодованием, — глубочайшая скорбь. Эта скорбь ослаблялась у тех, кто мог верить в революцию, кто мог верить в то, что этот

переворот сразу все изменит. Был период увлечения, когда декабристы видели какой-то свет; Грибоедов этого света не мог видеть.

Грибоедов — человек громаднейшего ума и ослепительных способностей. Грибоедов — музыкант, математик, дипломат, писатель, стилист, психолог. Он представляет собой единственное явление. Может быть, рядом с ним нельзя никого поставить. По разнообразию своих задатков он гениален. Грибоедов — колоссальная, ослепляющая фигура. Будучи таким, он испытывал две страсти. Неумолчный голос гения говорил в нем об обличении, и вместе с тем мы видим в нем глубочайшую скорбь о невозможности вырваться из этого ада, о необходимости искать какую-то тропу примирения с ним. В области своих жизненных путей Грибоедов пошел на такое примирение. Чацкий говорит о том, что «служить бы рад, прислуживаться тошно». Ему страшно войти в этот ужасный чиновничий мир. То, что этот чиновничий мир ужасен, Грибоедов прекрасно знал. Он из Персии пишет: «Дезертируют туда и обратно. Бегут персы в Россию. Бегут русские в Персию. И там и здесь чиновники одинаково гадки». Под чиновниками он имел в виду режим. Один и тот же режим и в России и в Персии. Но этому режиму он служил и служил блестяще. Он дошел быстро до высоких чинов, внутренне, как гений, сознавая свою трагическую вину.

Вести во имя торгового капитала колониальную политику, заставить разгромленных персов подписывать унижайший колониальный мир, оставаться в Персии, чтобы прессом полицейской милитаристской России выжимать последние соки из этой страны, чтобы для уплаты контрибуции спарывать пуговицы с платья жен шаха, сдирать позолоту с трона шаха, — конечно, всего этого такой человек, как Грибоедов, делать не мог, и рядом с карьерой растет его тоска. Так, в последний раз уезжая в Персию, он прекрасно знал, куда он едет, что его ожидает.

Он говорил о том, что там его могила. Будет ли этот удар тайного убийцы из-за угла, или ярость народной толпы, специально подстрекаемой на антирусский погром, — это не так важно. Это — Немезида. Взвешивая меч от меча и погибнет. Кто является насильником в соседней стране, тот должен знать, что он пользуется всеобщей ненавистью. Грибоедов знал это. И здесь двойное его поражение — не только тем ятаганом, который сорвал его гениальную голову с плеч, но и морально, поскольку он понимал, как один из первых талантливейших, в достаточной степени энергичных колонизаторов, сущность своего «сардыря»: о нем он обыкновенно отзывался с подозрительной сдержанностью, за которой скрывается немалое количество негодования, ненависти.

II

Что же такое «Горе от ума»? Грибоедов не мог больше носить в себе своей ненависти, своего отвращения, ему хотелось публично, перед всеми, громко высказать, выкрикнуть свое негодование. Это то самое чувство, о котором Горький писал когда-то, когда он впервые ознакомился с развратной, эксплуататорской гнилью Франции: «Хочу в твое прекрасное лицо харкнуть желчью и кровью». «Харкнуть желчью и кровью» хотел Грибоедов в лицо тогдашней официальной России, в лицо тогдашних правящих классов, правящей бюрократии. Но для этого надо было придумать форму. Это не так легко. Ну-ка харкни, не только желчью и кровью, а просто хорошим плевком! Мы знаем, что так плюнул Чаадаев и погиб, если не физически, то политически и граждански. Значит, нужно было взять такой тон, найти такую манеру, в которой можно было и царям и подцаренкам говорить правду. Давно известна для этого шутовская форма; в этой форме можно кое-что проташить, поэтому, оставив за Чацким — своим прокурором — всю полноту серьезности (я потом еще

скажу, какой трюк был применен к Чацкому), Грибоедов в остальном старался сделать веселую комедию.

Он заимствует для этого и новые западноевропейские формы. Его интрига не бог весть как построена и не бог весть как интересна сама по себе; можно очень сильно критиковать произведение с этой точки зрения, и его критиковали, но, критикуя, воздавали хвалу и славу. Ибо зачем Грибоедову было строить доскональную комедию, которая бы оттеняла каждое событие, где конструкция бы выпирала на первый план? Это ему не было нужно. Он не комедиограф, но он обличитель, который выходит на площадь, чтобы сказать страшную правду о своей горячей любви и ненависти ко всему тому, что являлось позором для его родины. Поэтому комедия, как форма, для Грибоедова была совершенно второстепенна, об этом он и сам говорил, когда утверждал, что тогдашние условия заставили его принизить первоначальный замысел.

Его прием — совершенно законный, глубоко художественный и разящий — как раз сродни шутовству, но сродни и негодованию. А ведь за негодованием идет отвращение. Конечно, можно и негодовать, и чувствовать уважение к тому, против чего негодуешь, но можно от всего этого отвернуться и забыть. Но если забыть и отвернуться неспособен, то за отвращением, за внутренне негодующим осуждением дальнейшей ступенью является презрение, в нем уже есть стремление посмеяться над тем, что презираешь, ибо смех это и есть реакция разрешения некоторых внутренних противоречий. Ты страшилище, но я не вижу в тебе ничего ни страшного, ни ужасного, ты только смешная личина, ты давно морально и умственно побежден, и ты заслуживаешь только смеха. Когда человек чувствует полную победу воли, тогда появляется легкий юмор, чувство трепещущей иронии, что-то даже вроде ласкающего смеха над чудачком-

обывателем чеховского типа, который, конечно, га-док, но можно ли брать его всерьез? Он заслуживает только того, чтобы его посыпать далматским порош-ком, так как это, в конце концов, — клоп.

Но когда до этой победы дело еще не дошло, когда Фамусовы и Скалозубы являются правителями страны, когда их режим — дрящущее преступление, на борьбу не пойдешь со свободным, легким смехом. И Грибое-дов, повидимому, немного переборщил, немного чересчур взял «комично», надо было взять серьезнее. Но другого выхода не было, и тот выход, который был найден, оказался великолепен. Это был рази-тельный смех, а ничто так не убивает, как смех, ибо когда вы сердитесь, еще неизвестно, кто прав, не-известно, кто победит. Но когда разит стрела смеха, когда эта светящаяся стрела пронзает тьму, то мы здесь видим уже другое.

Этим оружием было легче сражаться с урод-ствами.

В конце концов эта пьеса все-таки была издана, увидела сцену и сделалась непревзойденным клас-сическим шедевром нашей литературы. Пьеса при-обрела чрезвычайно большое не только литератур-ное, но и моральное значение. Если перечислить, сколько раз в морально-политическом смысле, для морально-политических целей, применяются имена героев различных комедий, то, конечно, мы будем иметь первенство за героями комедии «Горе от ума». Мы до сих пор, иногда почти не сознавая, говорим «фамусовщина» или «молчалинщина», как будто эти названия являются коренными терминами нашего русского языка. В этом смысле Грибоедов добился полного успеха. После колебаний, после заминок он провел под видом комедии корабль, наполненный взрывчатыми веществами, и передал его народу. Пьеса стала действующим орудием, хотя и не всеми понимаемым. Комедия приобретает особенно серьез-ное значение потому, что кроме восхитительных масок,

созданных Трибедовым, в ней дана фигура, представляющая самого Трибедова. Чацкий — это порт-пароль Трибедова. Пушкин чувствовал фальшь в Чацком. Трибедов умён, — утверждал Пушкин, — а Чацкий неумён: можно ли метать бисер перед свиньями, которые все равно его растопчут! Чацкий, по мнению Пушкина, выступает как одиночка-за-стреблщик, пользующийся тирадами осуждения, которые в конце концов приводят его к светскому скандальчику. Но что мол сделать этот мальчишка с этой громадной скалозубовицкой и фамусовицкой Пушкин, несмотря на всю свою гениальную зоркость, не усмотрел (виновато тут, может быть, то близкое расстояние, с которого он смотрел), что много было

В пьяном виде человек делается порой смельчаком. Он говорит то, чего бы не сказал будучи трезвым. Безумие, опьянение Чацкого — в его молодости. Он ещё смилшком молод, он ещё не созрел. Его ум — ум блестящего мальчишки. Его несдержанность оттого, что у него ещё нет седых волос, что он ещё не примирился с подлостью, не пережил тех шеячков, которые пережили и сам Трибедов и Пушкин. Ему поэтому незачем говорить вполголоса. Он не дойдёт до политических тирад декабристов, это ему не нужно. В то время Трибедов сам не верил в декабризм. Но Трибедов давал авантюрный бой, чтобы при помощи художественного, морального оружия сразить нечисть. А для этого ему было достаточно очень молодого несдержанного человека со студенческим темпераментом, который по молодости лет уязв�ается, да ещё вдобавок влюблѣн. А любовь ведь опьяняет почище всякого вина, тем более несчастная любовь. Опьяненный несчастной любовью, Чацкий совершенно забыл всякую осторожность. Но, несмотря на то, что Чацкий молот да ещё пьян несчастной влюблѣнностью, он не говорит глупостей: он говорит умно, потому что он умѣн и волею Трибедова и вообще умѣн, как

созданных Грибоедовым, в ней дана фигура, представляющая самого Грибоедова. Чацкий — это порт-пароль Грибоедова. Пушкин чувствовал фальшь в Чацком. Грибоедов умен, — утверждал Пушкин, — а Чацкий неумен: можно ли метать бисер перед свиньями, которые все равно его растопчут! Чацкий, по мнению Пушкина, выступает как одиночка-застрельщик, пользующийся тирадами осуждения, которые в конце концов приводят его к светскому скандалчику. Но что мог сделать этот мальчишка с этой громадиной скалозубовщины и фамусовщины? Пушкин, несмотря на всю свою гениальную зоркость, не усмотрел (виновато тут, может быть, то близкое расстояние, с которого он смотрел), что иного выхода не было.

В пьяном виде человек делается порой смельчаком. Он говорит то, чего бы не сказал будучи трезвым. Безумие, опьянение Чацкого — в его молодости. Он еще слишком молод, он еще не созрел. Его ум — ум блестящего мальчишки. Его несдержанность оттого, что у него еще нет седых волос, что он еще не примирился с подлостью, не пережил тех щелчков, которые пережили и сам Грибоедов и Пушкин. Ему поэтому незачем говорить вполголоса. Он не дойдет до политических тирад декабристов, это ему не нужно. В то время Грибоедов сам не верил в декабризм. Но Грибоедов давал авангардный бой, чтобы при помощи художественного, морального оружия сразить нечисть. А для этого ему было достаточно очень молодого несдержанного человека со студенческим темпераментом, который по молодости лет увлекается, да еще вдобавок влюблен. А любовь ведь опьяняет почище всякого вина, тем более несчастная любовь. Опьяненный несчастной любовью, Чацкий совершенно забывает всякую осторожность. Но, несмотря на то, что Чацкий молод да еще пьян несчастной влюбленностью, он не говорит глупостей: он говорит умно, потому что он умен и волею Грибоедова и вообще умен, как

мальчишки часто бывают умнее своих дедов и отцов. И ситуация создается глубочайшим образом правдивая, приемлемая. Может быть, кроме Пушкина никто особенно над этим не задумывался, особенно после того, как цензура пьесу пропустила. Проглядели даже вопрос, как же это Чацкий решается на борьбу.

III

Мне незачем вдаваться в специальный анализ великих фигур, выведенных в «Горе от ума». Я остаюсь только на том, почему вообще возможно такое явление, как «Горе от ума» или «Ревизор», т. е. явление бытовой комедии, разящей чиновничество, большой свет своего времени, комедии — талантливой агитки, которая потом оказывается настолько высокохудожественным произведением для своего времени, что переживает его.

Время имеет различные цели и эти цели зависят от различных условий. Когда вы едете в поезде по железной дороге, перед вами, если вы выглянете в окно, мечутся телеграфные столбы и мелькают шпалы. Если вы перенесете взгляд на более далекий план, то можете увидеть гору, которая вам надоест, пока вы проедете: она как будто стоит, не движется. Так происходит и в истории: изменяются отношения, проходят события, уходят цари, целые династии, но под этими переходящими пластами есть почва, есть основной тяжелый грунт, который тянется на чрезвычайно далекие исторические перспективы. Например, взять ту же культуру, те безобразия и безобразные извращения в жизни человека, которые были сопряжены с определенными фазами, из которых нельзя выскочить. Несомненно, «райское существование человека» до происхождения частной собственности было полуголодным обезьянным существованием. Это было неизбежно, как неизбежны все последующие эпохи — капитализм, империализм и эпоха борьбы, в которой мы живем.

Мы только сейчас доехали до того места, где катастрофически, в обрывах, в вулканических недрах меняется огромная тысячелетняя формация на новую. И когда по старому культурному слою своей критической киркой ударит исполин, то он пробивает ею почву до чрезвычайных глубин. Грибоедов бьет *сквозь* чиновника николаевского и чиновника вообще. Он бьет дальше — он бьет в эгоиста человека вообще. И тогда оказывается, что удар его, кровоточащий, болезненный, бьет по отживающему, но еще живому. Удар становится целительным, пока не проходит огромное количество времени вообще, пока не уходит с нашего горизонта исторический поезд на самый, самый дальний план.

Октябрьская революция нанесла такой сокрушающий удар старому миру, что от него полетели во все стороны щепки. Ни одна революция, когда-либо происходившая на свете, не может, хотя бы отдаленно, сравняться по радикализму, по своим разрушениям и пожару, который был зажжен на земле, с Октябрьской революцией. Этот пожар еще горит, и при свете его мы начинаем строить новое величественное здание, новый град, о котором человечество стеноло столько времени. Он постепенно начинает сейчас возвышаться. Но смотришь кругом и видишь, как из разных нор и щелей выползают знакомые гады. Эти гады начинают строить свои норы, ткать свою паутину. До каких пор они будут ползать? Где граница? Можно ли начертать магический круг и сказать, что за ним, вон там — обывательская нечисть, нэпманы, кулаки, старая и новая буржуазия, мещанство, а здесь — все честное, все те, которые перешли на эту сторону баррикад, весь героический пролетариат, сделанный из одного куска стали, весь его коммунистический авангард? Когда остро присмотришься, то увидишь, что нет, — нет круга, дальше которого не должны пролезать эти гады, что они влезают во все щели современных построек, которые сейчас создаются,

норовят пролезть и между каменными глыбами вновь строящегося социалистического града. Влезая во все отверстия, они всюду сеют тонкую пыль, заразу. Мы ее вдыхаем, и в нас самих заводится иногда омерзительная пакость.

Периодические чистки, производимые партией, показывают, в какой зараженной среде приходится жить. Что верно для партии, верно для всякого умного, честного человека, для всякого прогрессиста, для всех, кто строит положительную жизнь и кто должен жить рядом с носителями той заразы, которая когда-то считалась здоровьем. Но радость наша в том, что теперь все здоровое идет под красным знаменем и задушит эту болезнь. И в этом смысле на своем поэтическом поприще Грибоедов оказался великим победителем. Он пережил свое время, а доживет, вероятно, еще до большей старости, чем та, которой он достиг сегодня, ибо борьба, в которой он так блистательно выступил, продолжается даже после того решительного поражения, которое нанесено в нашей стране всей мерзости житейской оружием Ленина и компартии.

IV

В одной из газет я видел карикатуру, подписанную «Совчиновнику»: человек в халате спит на софе. Его обстреливают шрапнелью, он храпит и ничего не слышит. Слово «халатность» неразрывно связано с фигурой Фамусова. Это его дух. Он живет еще сейчас и храпом отвечает на требования жизни. Жизнь посадила человека на высокое кресло, а он нашел кресло удобным и начал там дремать. Вот картина, которая часто встречается в разных кабинетах, и подчас в кабинетах, от которых многое зависит. И чем больше двигаться от ярко сияющих центров к сумраку, тем больше найдем такого рода вещей.

Во вчерашней газете читал, что один народный судья, фамилия которого не была «Скалозуб», а нечто

вроде «Скалозубенко», имел основание не любить члена горсовета, и когда ему удалось к нему придраться, хотя, как потом оказалось, поводов для этого не было и его пришлось оправдать, то он захотел осрамить его перед всем городом. Он не остановился перед тем, что враг его был болен, велел его связать, несмотря на 40° температуры, привести и посадить на скамью подсудимых, Это было у нас в Советской России, это сделал советский судья в отношении к члену городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Вы скажете: ну, какой же это судья Скалозуб, у него нет никаких погон, никаких знаков отличия, выпушек, петличек и нет у него никакого оружия. Но судья ведь не сам приволок этого члена горсовета, а через советскую милицию, которая в данном случае сыграла ту роль, которую играл Скалозуб.

Скалозуб — это воплощение той военной власти, которая является отличительной чертой всякого государства. Энгельс говорил: государство есть организация, опирающаяся на группу вооруженных людей, при помощи которой управляют в своих интересах господствующие классы. И мы опираемся на группу вооруженных людей — на Красную армию, на милицию, чтобы управлять при помощи их в интересах нашего пролетарского класса. Несомненно, что каждый человек из нашего военного или милицейского аппарата является трижды преступным Скалозубом, если он извращает характер нашего государства во имя приказа того или иного мнимого сановника.

Нам пришлось взять на службу старых бюрократов. Среди этих бюрократов есть и Фамусовы, и Скалозубы, о которых мы слышим, читаем в газетах. Наша задача в том, чтобы эти язвы и изъязны излечить, причем часто излечивать приходится хирургическим путем.

Более мелкие гномы и демонята у Грибоедова, пожалуй, не заслуживают и упоминания, однако

Молчалины, Загорецкие, Репетиловы, конечно, живы и сейчас. Это те, о ком говорят: он подловат, неразборчив в принципах, но его все же можно пустить в ход, потому что он покорен, послушен, делает все, что прикажут, исполнительный человек. Такие речи приходится слышать. А в это время тень Грибоедова шепчет: вспомни Молчалина. И рядом с Молчалиным идут люди, ловкие на все руки, мастера находить всевозможные выходы. Опять тень Грибоедова подсказывает: вспомни Загорецкого. Встречается и некий обобщающий тип, в котором и не различишь, чего в нем больше — Молчалина, Загорецкого или Репетилова.

Грибоедов еще жив. Но радостен будет тот час, когда Грибоедов-сатирик уже не сможет работать вместе с нами, потому что эта работа будет уже кончена.

Но Грибоедов еще работает и как великий учитель драматургии Мы не можем давать только одного Грибоедова. Надо уметь работать на современный лад, в других условиях. Кое-кто из массы грибоедовских типов побледнел, не имеет прежнего значения, но зато выросли другие типы; некоторые же остались прежними. Нам нужна новая советская сатирическая комедия. Она не будет напоминать собой мощный удар человека о железную скалу, — она будет напоминать человека, который взял железную метлу и выметает сор во имя будущего. Во времена Грибоедова мал был человек-борец по сравнению с черной силой, с которой боролся. А теперь борец — громадная сила, борющаяся за будущее. Сатирическая комедия — это сила, освежающая воздух, это смех, который в высокой степени нужен. Русская драматургия является отсталым крылом в русской литературе, а комедиография есть наиболее отсталая часть этого крыла. Великих комедий у нас не так много, но они существуют. И Фонвизин не совсем успокоился в могиле своей, а тем более Грибоедов, Щедрин и более

36583

близкие к ним писатели. Нельзя пройти мимо уроков, которые дает Островский, Сухово-Кобылин. Надо — у них учиться, а у Грибоедова больше, чем у кого бы то ни было. У Грибоедова надо учиться конструкции отдельных фигур. В одном из своих писем он пишет: «У меня все портреты, я не унижаюсь до карикатур». Но это вовсе не значит, что действующие лица списаны точно с действительно существующих людей. Вряд ли это мог бы сказать исследователь Фамусова, Молчалина, Скалозуба. Эти люди взяты синтетически. У Грибоедова все соответствует действительности, все — чистый художественный реализм, товар дан без примеси.

Правдивый тип в литературе — это и есть портрет, и чем он шире захватывает, тем более он приобретает художественности и общественной значимости.

В таком виде давал портреты Грибоедов, и притом в речи и в действии, а к этому комедиограф и призван. Обобщая не окарикатуривая, беря сквозь смех самую необходимую сущность фигур, типизирующих целую полосу, целую породу в современном обществе, — этому нужно учиться, и этому, пожалуй, ни у кого нельзя так научиться, как у Грибоедова. Я затрудняюсь сказать, можем ли мы у кого бы то ни было, не исключая даже Гоголя, — пожалуй, только выведя за пределы самую фигуру Хлестакова, — найти фигуры такой же синтетической силы.

4263

Затем изумительнейший язык Грибоедова. Пусть говорят, что наш язык находится в творческом процессе и нам трудно, невозможно писать грибоедовским языком. Грибоедов писал в то время, когда язык формировался: он сформировался в подлинном смысле слова только после Пушкина. Грибоедов же создавал в самом горниле речи, он был огромным экспериментатором, накопителем богатств, и мы в наше время должны так делать. Классический язык — это язык, который отражает свое время с наибольшей полнотой.

71 Выст. Ком. Ин-т
Грибоедов

В критическую эпоху, в которую создавалась великая комедия, Грибоедов из изумительного языкового материала, который он с таким социально-музыкальным слухом подметил, сумел создать вещь, полную жизни, т. е. подлинный драматический диалог, который живее еще, чем разговор, который течет между живыми лицами, который весь динамичен в каждом отдельном моменте существования человечества, в котором постоянно выявляются социальные классы людей, участвующих в этом диалоге. Самый монолог является здесь только содроганием души, в данный момент одинокой. Но вследствие страстных соприкосновений с социальной средой, в которой эта душа недавно находилась, почти каждая отдельная фраза грибоедовского диалога представляет собой кристалл такой правильности, такой чистой воды, что мы взяли все полностью и украсили наш язык на сто лет и, вероятно, еще дольше.

Маркс сказал, что идиотом будет тот, кто не понимает, какое колоссальное значение имеет классическая литература (а следовательно и Грибоедов) для пролетариата, потому что, если человек описывает свою губернию или уезд за сто лет до нас, то это значит, что он уловил исторические причины событий и ему удалось найти там кое-что, что набрасывает свою страшную тень на всю жизнь человека (взять хотя бы период собственности, который надо было реформировать). И мы должны подходить к Грибоедову не с точки зрения преклонения перед великим мертвецом, не с точки зрения воздаяния по заслугам, которые должна признать наша революция, вообще не с точки зрения какого-то церемониала: если мы должны заниматься раскапыванием всего, что относится к произведениям Грибоедова и его личности, если мы должны вспоминать Грибоедова, то это потому, что нам нужно лучше понять корни его настроения и тех выводов, которые жизненны и до нашего времени.

И к его произведению мы должны отнестись не как к отжившей и ненужной вещи, а должны подумать, каким мелом почистить, на какой пьедестал поставить, каким прожектором осветить так, чтобы и в наши дни оно горело наиболее ослепительными лучами как имеющее необычайную силу.

Давайте говорить, что Грибоедов жив, и мы должны сделать его еще лучше, еще более живым. Давайте, воспользуемся тем несчастным обстоятельством, что его работа еще не доделана, и включим его в наш механизм, в наш человеческий аппарат, с которым эту работу доделаем. Мы протягиваем через смерть Грибоедову нашу пролетарскую руку и говорим ему: «Здорово живешь, товарищ Грибоедов! Иди с нами работать. Ты очень хорошо начал чистить авгиевы конюшни. Мы еще не дочистили. Работа, правда, скорбная, но теперь уже гораздо более веселая. Время доканчивать ее. Александр Сергеевич, пожалуйте к нам!»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.

Платон Михайлович, муж ее }

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с шестью дочерьми.

Графиня бабушка } Хрюмины.

Графиня внучка }

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

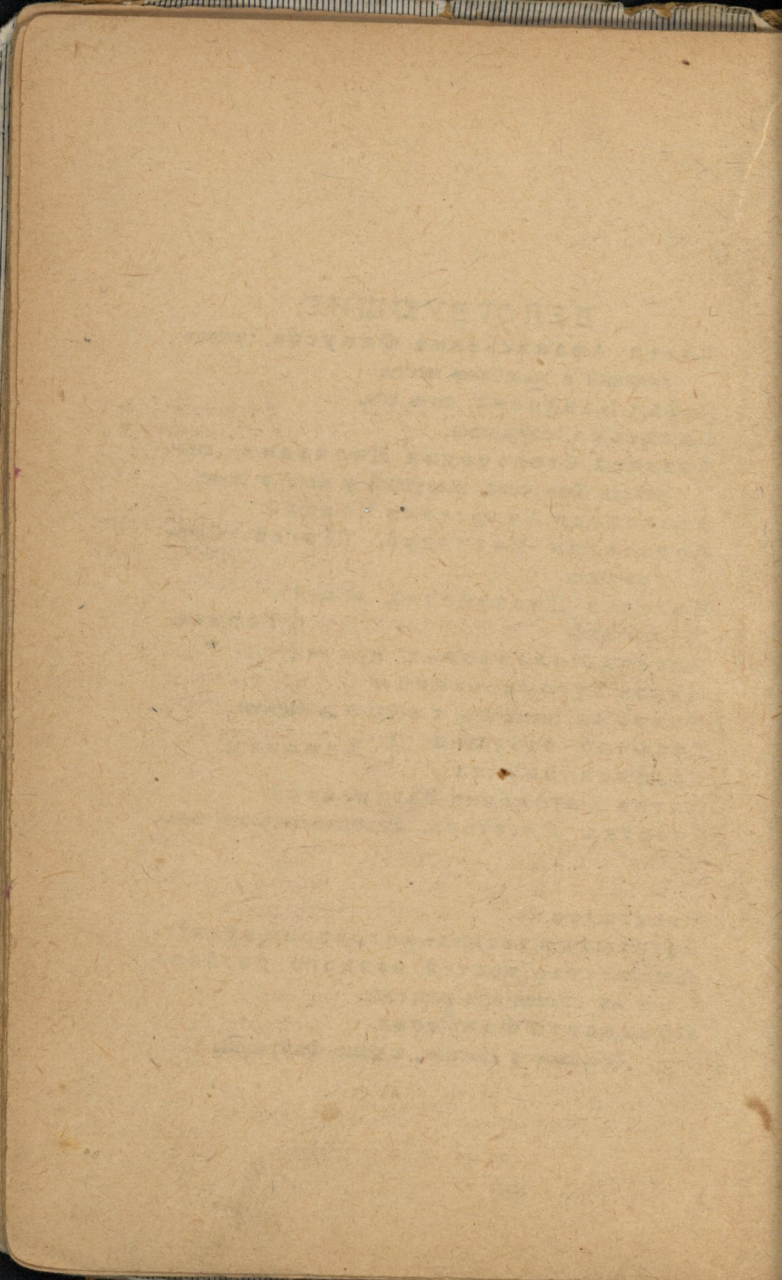
Репетиллов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортепьяно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел;

(Утро, чуть день брезжится.)

Лизанька (вдруг просыпается
встает с кресел, огля-
дывается).

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!

Вчера просилась спать: — отказ.

«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз.

Не спи, покудова не скатишься со стула.

Теперь вот только что вздремнула —

Уж день!.. Сказать им.

Стучится к Софии.

Господа!

Эй, Софья Павловна, беда!

Зашла беседа ваша за ночь.

Вы глухи? — Алексей Степаноч!

Сударыня!.. — И страх их не берет!

Отходит от дверей.

Ну, гость неприглашенной,

Быть может, батюшка войдет!

Прошу служить у барышни влюбленной!

Опять к дверям.

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

Голос Софии.

Который час?

Лизанька.

Всё в доме поднялось.

София (из своей комнаты).
Который час?

Лизанька.

Седьмой, осьмой, девятой.

София (оттуда же).
Неправда.

Лизанька (прочь от дверей).

Ах, амур¹ проклятой!

И слышат, не хотят понять,

Ну, что бы ставни им отнять?

Переведу часы, хоть знаю будет гонка,
Заставлю их играть.

Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах, барин!

Фамусов.

Барин, да.

Останавливает часовую музыку.

Ведь экая шалунья ты девчонка.

Не мог придумать я, что это за беда!

То флейта слышится, то будто фортепьяно;

Для Софии слишком было рано?..

Лиза.

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

¹ Амур — любовь (франц.). В сказаниях древних греков и римлян Амуром назывался бог любви.

Ф а м у с о в.

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

Жметя к ней и заигрывает.

Ой! зелье, баловница.

Л и з а.

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Ф а м у с о в.

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Л и з а.

Пустите, ветренники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф а м у с о в.

Почти.

Л и з а.

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Ф а м у с о в.

Кому сюда придти!
Ведь Софья спит?

Л и з а.

Сейчас започивала.

Ф а м у с о в.

Сейчас! А ночь?

Л и з а.

Ночь целую читала.

Ф а м у с о в.

Вишь, прихоти какие завелись!

Л и з а.

Все по-французски, вслух, читает запершись.

Ф а м у с о в.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,

И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Л и з а.

Что встанет, доложусь;
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Ф а м у с о в.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь ¹.

Л и з а (как можно громче).

Да полноте-с!

Ф а м у с о в (зажимает ей рот).

Помилуй, как кричишь.

С ума ты сходишь?

Л и з а.

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Ф а м у с о в.

Чего?

Л и з а.

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;

У девушек сон утренний так тонок;

Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:

Всё слышат...

¹ С и м ф о н и я — обширное музыкальное произведение для оркестра. Греть симфонию — здесь в смысле — производить шум.

Ф а м у с о в.

Всё ты лжешь.

Г о л о с С о ф и и.

Эй, Лиза!

Ф а м у с о в.

Тс!

Крадется вон из комнаты на цыпочках.

Л и з а (одна).

Ушел... Ах! от господ подалей;

У них беды себе на всякий час готовь,

Минуй нас пуще всех печалей

И барский гнев, и барская любовь.

Я В Л Е Н И Е 3

Л и з а, С о ф и я со свечкою, за ней М о л ч а л и н.

С о ф и я.

Что, Лиза, на тебя напало?

Шумишь...

Л и з а.

Конечно, вам расстаться тяжело?

До света запершись, и кажется всё мало?

С о ф и я.

Ах, в самом деле рассвело!

Тушит свечу.

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а.

Тужите знай, со стороны нет мочи,

Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла,

Вертелась перед ним, не помню что врала;

Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.

Подите, сердце не на месте:

Смотрите на часы, взгляните-ка в окно;
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

С о ф и я.

III 3.

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а.

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я (*Молчалину*).

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Л и з а.

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

Разводит их,
Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.

ЯВЛЕНИЕ 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов;

Ф а м у с о в.

Что за оказия! Молчалин, ты брат?

М о л ч а л и н.

Я-с.

Ф а м у с о в.

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

С о ф и я.

Он только что теперь вошел.

М о л ч а л и н.

Сейчас с прогулки.

Ф а м у с о в.

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?

А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!

Всю почь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!

А всё Кузнецкий мост ¹, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы ²:

Губители карманов и сердец!

Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и щпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

С о ф и я.

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевозжу едва,
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Ф а м у с о в.

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут?

С о ф и я (сквозь слезы).

Кем, батюшка?

¹ Кузнецкий мост — одна из центральных торговых улиц в Москве. Здесь в начале XIX в., наряду с модными магазинами, были расположены книжные лавки, торговавшие главным образом французскими книгами.

² Музы — в сказаниях древних греков — богини, покровительницы искусств.

Ф а м у с о в.

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей¹
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньем;
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведением!..

Л и з а.

Осмелюсь я, сударь...

Ф а м у с о в.

Молчать:

Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам,
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки²!

¹ Пятьсот рублей — во время Грибоедова наряду с серебряным рублем имел хождение и бумажный (ассигнация). Здесь речь о 500 руб. ассигнациями, ровнявшихся примерно — 170 руб. серебром.

² Дались нам языки — выпад против распространения в дворянском обществе иностранных (в особенности французского) языков, вытеснивших в обиходной светской речи русский «простонародный» язык. Это явление было связано с классовой замкнутостью дворянского общества.